Год назад в Чанъане Ли Яоинь искала лечение для своей матери и встретила Мондатипу в храме Дациен. В то время она была благородной принцессой, а в храме цвели тысячи абрикосовых деревьев, создавая потрясающее зрелище.

Год спустя в Западных регионах, в поисках приюта во дворце Священного города, Ли Яоинь вновь встретилась с Мондатипой. В этот момент она была изгнана из родных земель, за 8000 ли от своей родины, и не знала, когда сможет вернуться и встретиться с Ли Чжунцянем.

Прошло почти десять месяцев, но как будто это было целую жизнь назад.

Все опасения и мучения медленно отступали, и Ли Яоинь улыбнулась, сдерживая внезапный прилив грусти, который нахлынул на нее в тот момент, когда она узнала Мондатипу. Стоя у подножия лестницы, она все еще была благородной седьмой принцессой семьи Ли, как и тогда, когда Мондатипа впервые встретил ее.

- Мечта достопочтенного мастера осуществилась, это заслуживает поздравления, - сказала она с улыбкой, ее глаза сияли.

Мондатипа долго смотрел на Ли Яоинь с удивлением на лице.

В эти неспокойные времена он объездил все Центральные равнины и Западные регионы. Он видел так много благородных людей, столкнувшихся с несчастьем, что думал, что эта хрупкая принцесса, перенесшая столько невзгод, разрыдается и бросится к его ногам с просьбой о помощи.

Но она этого не сделала.

Она стояла там с улыбкой на лице и сияющими, как звезды, глазами, и искренне поздравляла его с исполнением его желания. Прошлые трудности, казалось, только закалили ее; за этой хрупкой и красивой внешностью скрывалась самая крепкая душа.

Мондатипа медленно произнес:

- Все сущее - это карма, и все предопределено. Судьба собирает, а затем рассеивает. Встречи и расставания подобны облакам, в то время как жизнь и смерть естественны. Принцесса и этот бедный монах встретились в Чанъане и воссоединились при этом Королевском дворе. Возможно, такова воля Будды.

Ли Яоинь не поняла эту буддийскую фразу, но поняла его утешение: «Это все судьба; принцессе не нужно грустить».

Она улыбнулась и ответила:

- Возможно, так.

Она верила в судьбу — Ли Сюаньчжэнь и Чжу Луюнь оба были живы и здоровы, несмотря на все их несчастья. И каждый раз, когда она меняла судьбы своей матери и брата, она получала наказание.

Но что с этим можно сделать?

Одно дело - верить, и совсем другое - покориться судьбе! Ей пришлось стиснуть зубы и идти дальше.

Немного величавого духа, тысячи ли стремительного ветра. Оседлать ветер и умчаться в бескрайнее небо прямо к синему облаку*.

(ПП: Здесь фразы из двух стихотворений. По сути, они означают, что до тех пор, пока у человека самая подавляющая аура и дух, он может быть прямолинейным, непринужденным и спокойным в любых ситуациях.)

Даже если я не могу взмыть в небо, как Кун Пенг*, я все равно должна изо всех сил стараться взмахнуть крыльями и взлететь. Когда наступит безвыходная ситуация, лучше подражать Лю Лину из эпохи Цин*, чем бесславно погибнуть!

Поэтому слова Достопочтенного мастера не могли утешить ее.

(ПП: *Кунг Пен – мифическая птица. *Лю Лин был китайским поэтом, который был довольно своеобразным и нетрадиционным. Он был известен как пьяница и соответствовал стандартам. В любом случае, это стиль «просто похорони меня, когда я умру» - легкомысленное отношение к своей жизни и смерти.)

Вздохнув, Мондатипа посмотрел на настороженного круглолицего солдата, стоявшего в стороне:

- Божа, седьмая принцесса - гостья Сына Будды. Ты должен хорошо заботиться о принцессе и не пренебрегать ею.

Божа закричал на языке Ху:

- Достопочтенный мастер, вы не знаете, что эта ханьская женщина сделала с королем!

Вспомнив, что Ли Яоинь говорит на языке Ху, он перешел на санскрит и продолжил громко жаловаться о том дне, когда Ли Яоинь сделала предложение на глазах у всех.

- Эта ханьская женщина даже посмела богохульствовать перед королем! И она сказала, что хочет стать девой Морденгой! Она... она...

Божа долго говорил «она» и, наконец, топнул ногой:

- Она развратница! Она бесстыжая! Если бы принц-регент был здесь, он бы уже отрубил ей голову!

Мондатипа был удивлен.

Хотя Ли Яоинь не понимала санскрит, но, видя выражение гнева на лице гвардейца, она поняла, что тот обвиняет ее. С легким смущением на лице она улыбнулась Мондатипе:

- В тот критический момент у меня не было другого выбора, кроме как хулить Сына Будды. Десять тысяч благодарностей за то, что Сын Будды был добр и все равно протянул мне руку помощи. Я хотела бы встретиться с ним и объяснить причину, и прошу Достопочтенного мастера выступить посредником для меня.

Мондатипа, кажется, еще не пришел в себя от удивления, его карие глаза мигнули в темноте, и он мягко сказал:

- Принцесса, не беспокойтесь. Если бы Сын Будды не упомянул о вас этому бедному монаху, этот бедный монах не узнал бы, что седьмая принцесса прибыла к Королевскому двору.

Не дав Ли Яоинь ответить, Божа уже распахнул глаза, не в силах поверить:

- Что? Это король послал Достопочтенного мастера искать эту женщину?

Как мог король помнить ее! Могло ли быть так, что король был тронут этой бесстыдной ханьской девчонкой?

Мондатипа кивнул:

- Правильно, Сын Будды сказал, что при Королевском дворе никто не должен пренебрегать принцессой империи Вэй.

У Божа отвисла челюсть.

Ли Яоинь также была удивлена, она думала, что этот святой и холодный Сын Будды даже не вспоминал о ней, а он, придя во дворец, сразу же дал такой приказ.

Божа вздрогнул и с яростным воплем указал пальцем на Ли Яоинь:

- Демоница!

Даже одетая в одежду рабыни, она могла соблазнить душу человека. По дороге к Королевскому двору никто, от генерала до солдат и рабов, не осмеливался слишком долго смотреть на нее. Если бы она переоделась в красивое платье, то это был бы настоящий скандал!

Ли Яоинь непонимающе моргнула. Ее глаза мерцали, и только эта пара глаз была полна обольстительной красоты в темноте ночи.

Сердце Божа, казалось, несколько раз царапнули кошачьи лапки. Его круглое лицо сначала покраснело от гнева, затем посинело и побагровело. Мгновение спустя оно стало мертвенно-бледным. Он яростно повернулся и побежал к дворцу.

Эта ханьская женщина - ведьма, пришедшая соблазнить Сына Будды! Ее нужно остановить!

Мондатипа покачал головой и махнул рукой, приглашая Ли Яоинь следовать за ним:

- Сегодня вечером Сын Будды вернулся во дворец в спешке и не может встретиться с принцессой. Позвольте мне отвести вас отдохнуть.

Ли Яоинь последовала за ним и, наконец, добралась до пустого просторного двора, в котором, казалось, росли деревья. В темноте она не могла разглядеть, какие именно деревья, но чувствовала слабый аромат. Дворцовая стража также привела Се Цин и остальных, за что Ли Яоинь была очень благодарна. Мондаттипа утешил ее несколькими словами и ушел.

Пережив катастрофу и встретив старого друга, личные солдаты радостно шептались. Внезапно на них навалилась накопившаяся за последние несколько дней усталость, и они заснули, как только легли.

Ли Яоинь взяла у дворцовых стражников немного мази для Се Цин и, увидев, что она спит спокойнее, чем несколько дней назад, испустила вздох облегчения.

Под ее окном раздавался громкий храп. Ли Яоинь потерла свои ноющие плечи, устроилась у окна и улыбнулась. Впервые за столько дней она почувствовала себя расслабленной. Действительно, Тунмо Луоцзя оказался хорошим человеком с сострадательным сердцем. Ли Яоинь закрыла глаза и уснула.

Вдруг в тихой ночи раздались громкие крики и шум бегущих ног.

От испуга Ли Яоинь покрылась холодным потом и резко приподнялась, ухватившись за

скрытый под одеждой кинжал. Она напряженно слушала, но поняла, что эти звуки направлены не на нее, и наконец-то выдохнула.

Хайду Алинь обычно был занят военными делами, но как только у него появлялось свободное время, он намеренно дразнил ее, заставляя ради забавы показывать свой страх. Каждую ночь, прежде чем лечь спать, она должна была остерегаться визита Хайду Алиня. Услышав ночью какой-нибудь шум, она вздрагивала и просыпалась.

Из соседней двери донесся крик:

- Достопочтенный мастер! Достопочтенный мастер!

Оказалось, они пришли искать Мондатипу.

Ли Яоинь снова заснула. Через некоторое время она снова услышала шум шагов снаружи двора. На этот раз постучали в дверь в ее внутренний двор.

- Седьмая принцесса! Достопочтенный мастер просит вас выйти!

Ли Яоинь встала и открыла дверь. Ученик Мондатипы напрямую провел ее в главный зал буддийского храма. По боковой дорожке они спустились в задний сад, темный и благоухающий, в котором, казалось, было много цветов и деревьев. Королевский дворец находился на высоком холме, и Ли Яоинь последовала за учеником, поднимаясь по каменным ступеням.

Перед лестницей горел маленький мерцающий огонек, и Мондатипа с озабоченным видом ждал в коридоре:

- Этот бедный монах хочет о чем-то спросить принцессу. Я надеюсь, что вы скажете мне правду.

Ли Яоинь кивнула. На лбу Мондатипы выступили капельки пота:

- Когда этот бедный монах уезжал из Чананя, принцесса дала бедному монаху несколько пузырьков с таблетками, одна из которых называется таблетка успокоения. Служанка принцессы сказала, что она помогает снять отеки и облегчить боль... знает ли принцесса рецепт таблеток успокоения?

Ли Яоинь пришла в недоумение и ненадолго задумалась. Она окинула взглядом мрачный коридор, закрытые двери главного зала и тихо спросила:

- Сын Будды болен?

Лицо Мондатипы на мгновение застыло, прежде чем он вздохнул:

- Поскольку принцесса догадалась об этом, этот бедный монах скажет правду. Когда я только пришел во дворец, Сын Будды был очень болен. Я попробовал много рецептов и случайно дал ему несколько таблеток успокоения...

В то время Северный Жун агрессивно наступал, объединившись с другими племенами для атаки на Священный город. У Тунмо Луоцзя заканчивалось время, и если бы стало известно, что Сын Будды тяжело болен, Королевский двор был бы обречен. Поэтому Мондатипа решил использовать любое средство для спасения ситуации, даже если это были самые безнадежные лекарства.

В результате Тунмо Луоцзя чудесным образом выздоровел после приема таблетки для успокоения. Таблетки были получены у Ли Яоинь, и Мондатипа не знал, каков был рецепт. Видя, что пузырек с таблетками почти опустел, он мог только послать людей на Центральные равнины за лекарством, одновременно думая о других способах стабилизировать состояние Тунмо Луоцзя. Однако военная ситуация была настолько напряженной, что Тунмо Луоцзя не мог спрятаться в Священном городе, чтобы оправиться от своей болезни.

Он вынужден был стерпеть боль и возглавить армию в походе, выжидая момент, когда будет заключено союзное соглашение с Северным Жун и когда удастся отпугнуть Хайду Алиня. После возвращения в Священный город его силы иссякли.

Мондатипа сказал с тяжелым вздохом:

- Теперь Сын Будды заболел, и лекарство, которое этот бедный монах привез с Центральных равнин, закончились...

Эта информация внезапно разъяснила сомнения Ли Яоинь. Ей и в голову не приходило, что ее непреднамеренный поступок год назад повлиял на военную ситуацию за 8 тысяч ли. Тунмо Луоцзя спас ее не потому, что она его очаровала, а потому, что она назвала себя принцессой Великого Вэй. Когда Мондатипа дал ему таблетки успокоения, которые помогли ему выздороветь, он, безусловно, упомянул о ней.

Вот какой оказалась судьба, о которой говорил Мондатипа.

Ли Яоинь многое поняла. Неудивительно, что Тунмо Луоцзя срочно поспешил обратно в Священный город и настоял на том, чтобы дождаться темноты, чтобы войти в город; он был болен, очень болен и боялся, что другие заметят его состояние. Так вот почему она не встретила по пути ни одного крупного города-государства или племени. На обратном пути Тунмо Луоцзя намеренно проходил в обход многолюдных городов. Его первоначальным намерением, вероятно, было отвезти ее обратно в Священный город, а затем потихоньку расспросить о рецепте на таблетку успокоения.

Теперь, когда у него случился внезапный приступ и на карту была поставлена его жизнь, Мондатипе пришлось пригласить ее поздно вечером и рискнуть сказать ей, что он серьезно болен.

Опасения Тунмо Луоцзя не были преувеличением. Ведь он был богом в глазах людей Западных регионов, и каждый день его жизни важен для процветания и стабильности Королевского двора. После его смерти Королевский двор мгновенно распадется, подчинившись Северному Жун всего за один месяц. Это буддийское королевство протяженностью в тысячу миль полностью исчезнет из истории.

Если новость распространится, Королевский двор будет охвачен хаосом.

Ли Яоинь вздохнула:

- Достопочтенный мастер, я знаю рецепт таблеток успокоения, но все травы родом из Центральных равнин, поэтому даже если Достопочтенный мастер будет знать рецепт, сейчас невозможно их приготовить.

Тревога в карих глазах Мондатипы медленно исчезла. Он остался стоять на ступеньках, испустив длинный вздох.

- Простите, принцесса, этот бедный монах ведет себя слишком глупо. Сын Будды обладает ранней мудростью, природным талантом, хорошо знает канонические книги; со временем он станет выдающейся фигурой буддизма, распространит учение и просветит существ мира, поэтому бедный монах не может смириться с тем, что он попадет в круговорот перерождений, не достигнув этой великой цели.

Ли Яоинь тоже не хотела, чтобы Тунмо Луоцзя умер так рано... Она подумала немного и сказала:

- Достопочтенный мастер, я могу написать общий рецепт, возможно, в Западных регионах можно найти замену ингредиентам?

Мондатипа был монахом, он относился к жизни и смерти философски, и если бы он не ценил талант и способности Тунмо Луоцзя, он не стал бы утруждать себя разговором с Ли Яоинь. Он уже собирался отказаться, но, услышав эти слова, воспрял духом.

Чанъань и Священный город находились на расстоянии 8000 ли друг от друга, и средство, которое седьмая принцесса передала ему, идеально подходило для облегчения страданий Тунмо Луоцзя. Теперь седьмая принцесса случайно оказалась в Священном городе. Возможно, все это было устроено волей Будды.

Мондатипа провел Ли Яоинь через длинные коридоры и вошел во внутреннюю комнату.

Многочисленные слои тяжелого золотистого шелкового занавеса были опущены, снаружи комната казалась полностью темной.

Слуга поднял занавеси, и изнутри внезапно обрушились потоки яркого золотого света. Ли Яоинь прикрыла рукой глаза, медленно привыкая к свету.

В зале горели сотни свечей, пламя которых было таким же ярким, как лучи солнца. По полу были раскиданы ковры с узорами из Персии, стоять на которых было так же мягко, как на облаках. Занавеси, инкрустированные драгоценными камнями, легко колыхались и мерцали разноцветными бликами, а изящные золотые резные рисунки на стенах словно плавали в мерцающем золотом свете.

Ли Яоинь ошеломленно огляделась — она вошла в Священный город в темноте и, не увидев полностью королевский дворец, думала, что он такой же величественный и холодный, как земляной утес, который она видела вечером, но оказалось, что главный храм был удивительно роскошным и великолепным. Она могла только представить, насколько богат был Королевский двор. Неудивительно, что два поколения ханов Северного Жун так стремились захватить его.

Божа и еще несколько стражников с грустными и заплаканными глазами стояли на коленях перед диваном во внутреннем зале. Когда они увидели, что Ли Яоинь привели сюда, они сразу же вскочили.

- Демоница...

Ли Яоинь проигнорировала его и подошла к письменному столу. Несколькими штрихами она написала рецепт, который знала. Мондатипа взял его, чтобы просмотреть, и разочарованно покачал головой:

- Этот рецепт должен включать в себя муравьиную траву... из всех лекарств, которые принес этот бедный монах, ни одно не может заменить муравьиную траву.

- Муравьиная трава? - глаза Ли Яоинь на мгновение вспыхнули.

От постели раздался стон, и Божа крикнул:

- Достопочтенный мастер!

Мондатипа быстрым шагом подошел к кушетке, посмотрел на бледного, как простыня, Тунмо Луоцзя и глубоко вздохнул. Ли Яоинь наполовину высунула голову из-за его спины, и ее взгляд упал на лицо Сына Будды.

При свете свечей он лежал под белым стеганым одеялом, расшитым золотом. Под глазами залегли иссиня-черные тени, губы были почти белыми, на красивом лице выступили капельки

пота. Густые брови сильно нахмурились, очевидно, он изо всех сил старался перенести боль, не издавая ни звука.

Уголок покрывала приподнялся, обнажив его распухшие, почти черные ноги - в эти дни он действительно полагался на эти ноги, чтобы садиться на лошадь и слезать с нее, скакать верхом и отдавать приказы тысячам солдат?

Если бы не собственные глаза, Ли Яоинь не поверила бы, что этот умирающий мужчина был Сыном Будды, который несколько дней назад повел тысячи солдат, чтобы отпугнуть Хайду Алиня. В том потоке людей, движущихся меж холмов, выделялся только он в своей алой касайе, сверкающий и ослепительный, свысока взирающий на этот презренный мир.

Кто знал, что в то время он с трудом переносил ужасные мучения от болезни? Какой же была его воля, чтобы продержаться до сегодняшнего дня?

Он был королем Священного города, богом в глазах народа Западных регионов, поэтому, даже страдая до предела, он должен был нести на своих плечах обреченное буддийское королевство.

Ли Яоинь почувствовала некоторую грусть. Сделав несколько шагов вперед, она откинула парчовое одеяло.

Божа закричал:

- Что ты делаешь?!

Ли Яоинь даже не посмотрела на него. Приподняв одеяло Тунмо Луоцзя, она дотронулась до его опухшей ноги.

- Принесите горячей воды, - сказала она.

Божа закричал, чтобы стражи прогнали ее.

Мондатипа остановил Божа и спросил Ли Яоинь:

- Горячая вода? Разве это не увеличит отек?

Ли Яоинь посмотрела на Тунмо Луоцзя. Она не могла подойти к нему в эти дни, всегда только смотрела на его величественную фигуру издали. Теперь, когда она была ближе, она обнаружила, что он выглядит даже лучше, чем она ожидала. Несмотря на болезнь, его внешность оставалась прекрасной.

Она сказала:

- Когда-то в Чиби я видела, как божественный доктор лечил других таким методом. Тот человек был в такой же ситуации. Горячая вода, иглоукалывание... Это поможет ему хотя бы немного облегчить боль.

Даже если это не спасет его, это, по крайней мере, немного облегчило бы боль этого сострадательного монаха.

Мондатипа слышал об акупунктуре:

- В буддийском храме есть ханьский монах, который разбирается в акупунктуре. Попросите его прийти в королевский дворец!

Раз уж мы испробовали все, а лекарства пока нет, остается только надеяться на волю судьбы.

Стражники недоверчиво переглянулись, но, доверившись Мондатипе, ушли. Вскоре принесли горячую воду. Ли Яоинь велела слугам принести травы и сначала растереть тело Тунмо Луоцзя.

Через полчаса спешно прибыл ханьский монах. Ли Яоинь передала ему все инструкции, которые помнила, и монах начал лечить Тунмо Луоцзя иглами.

Свечи медленно тлели. Отек на ноге Тунмо Луоцзя так и не спал, но его руки больше не были холодными, и цвет лица немного пришел в норму. Ли Яоинь исполняла обязанности помощницы и вытирала холодный пот Тунмо Луоцзя вышитым носовым платком.

В середине ночи, когда свечи в зале догорели лишь наполовину, она так устала, что, сама того не замечая, уснула на кровати. В тумане сна ее внезапно разбудил звук тяжелых шагов.

Ли Яоинь открыла глаза и встретилась взглядом с глубокими, как бездна, глазами.

Эти бирюзовые глаза были мудрыми и холодными, как чистый родник, и словно пронизывали все на свете. Понятно, что они смотрели на нее снизу вверх, но от них веяло таким давлением, что ей некуда было спрятаться. Казалось, что внутри и снаружи, от тела до души, этот мужчина видел ее насквозь.

Ошеломленная Ли Яоинь пришла в себя, спокойно вытерла рукавом слюну с губ, легко и непринужденно встала и разбудила Мондатипу, который медитировал с закрытыми глазами:

- Достопочтенный мастер, Сын Будды проснулся.

http://tl.rulate.ru/book/72517/3298526